and economic resources) and influence (ideological, cultural, information resources) that goes into the rule of the inevitable elements of dictatorship and / or suppression of dissent. Provides global leadership in the common interests of the leader (s) and his followers, voluntary recognition of the authority of the leader, the leader of the formation of values, to encourage other countries to imitate its political and economic system, political and cultural values, the legitimacy of leadership. Theoretical bases doctrine of world domination began the idea of "exclusivity" and "chosen by God" certain people and its political system.

Substantiates the growing influence of new centers of power in the development of the world community. The emergence of new cultural complexes consisting of an eclectic mixture of elements of different types of crops, changing the balance of power in the modern world.

Keywords: new world order, cross-cultural pastiche, society, interests.

УДК 141.7:172.3

ПОВЗЛО А.Н.
кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії
Запорізького національного технічного університету
(м. Запоріжжя, Україна)
e-mail: shura.povzlo@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ ЧЕРЕЗ ФИЛОСОФСКУЮ «ПРИЗМУ» ТЕОРИИ АБСУРДА И БУНТА А. КАМЮ

Аннотация

Основная философская проблематика творческих и духовных поисков Камю аккумулируется в системе действий и противодействий двух сил. Первая, связана с положительной энергией и «намеченными» целями и идеалами личности, а вторая – с процессом их осуществления, с реализацией их потребностей и интересов в реальной жизни, результаты которых являются далеко не идеальными и поэтому для этого человека являются негативными. Как раз «абсурд родился в этом столкновении между призванием человека и неразумным молчанием мира», поэтому между «первый» и «второй» неизбежно будет «раскол». Это заставит Камю сделать вывод о том, что всё является абсурдным. «Чувство абсурда ждет нас на каждом углу». Вот именно это состояние абсурдности, согласно Камю, заставляет человека обратиться к мысли о самоубийстве.

В заключение Камю, подводя итоги своим исследованиям, устанавливает, что человек в своем «капитале» развития имеет борьбу (метафизическое, индивидуальное восстание) с самим собой, со своим собственным невежеством, с «неразумным» и абсурдным «я». А так же человек находится во внешней борьбе, которая связана с историческим, солидарным бунтом и которая приумножает сопротивление и бунт отдельного человека-атома в десятки раз.

Ключевые слова: человек, экзистенция, обыденность, тоска, абсурдность, метафизический, индивидуальный бунт, самоубийство, творчество, духовность

Социально-философская мысль всё время задается вопросом, чем же сопровождаются все современные экономические, финансовые, социально-политические проблемы? Конечно же, в первую очередь, резким негативным обострением человеческого, морального, психологического самочувствия и общественного «климата» на всей планете, что связано с актуализацией нашего внимания к «человеческому фактору». Понятно, что от всех этих глобальных и неглобальных проблем, противоречий, конфликтов, неразрешимых антагонизмов и антиномий у каждого простого смертного человека голова «идет кругом». И если он не в состоянии их все-таки решить и преодолеть, если он не выдерживает и задыхается от этого удушающегося жизненного «пресса», связанного с осознанием нелепости и абсурдности своего существования, то это у него вызывает морально-психологические страдания. И в этом случае необходимо философское осмысление комплекса данных проблем, должен быть задействован авторитет совокупного философского знания: «Решить стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии» [1,24]. И если нет четкого и ясного ответа на данный вопрос, то человек начинает, как подчеркивал А.Камю, «сочинять» свою философию. «Мятущееся» сознание человека начинает искать другие, более быстрые и легкие, способы «избавления» от этой абсурдной действительности, тем самым «уходя» и избавляя себя, свою психику от всех негативных проблем.

Как правило, по мнению психологов, такой способ быстрого «побега» от или из этого мира – это самостоятельное принятие решения человека о «добровольном уходе из жизни». Проблема самоубийства, опять же как считал Камю, это «по-настоящему серьезная философская проблема». Но он также подчеркивал, что самоубийство самоубийству рознь. Поэтому в этом бесчеловечном акте человека, направленного им на свое «обесчеловечивание», философской науке стоит более детально разобраться. «Необходимо понять ту смертельную игру, которая ведет от ясности в отношении собственного существования к бегству с этого света» [1,25].

В связи со всем сказанным необходимо подчеркнуть сверхактуальный характер социально-философской, морально-этической теории известнейшего французского философа-моралиста Альбера Камю, основные положения которой он изложил в своих основных произведениях «Изнанка и лицо», «Посторонний», «Миф о Сизифе», «Бунтующий человек». А.Камю, подчеркивая: «хочешь стать философом – пиши романы», в своем непревзойденном литературно-эстетическом стиле начинает раскрывать потаенные глубины диалектики человеческого «Я» – (это мир абсурда) и «не-Я» – (это мир бунта). Он афористично просто и в тоже время при помощи своего уникального эзоповского метаязыка пытается проникнуть в метафизический смысл и природу убийства, самоубийства, философского или логического самоубийства, «расширенного» самоубийства. Камю приходит к выводу, что это проникновение невозможно вне точного анализа в сознании человека «алгоритма» его трансцендентных «переживаний». В частности, начиная, с первого уровня, от категорий лжи, зла, одиночества, скуки, тоски, горечи, отчаяния, тьмы, бессмыслицы, абсурда, сомнения, «мыслящего-я», судьбы, мужества, борьбы, и заканчивая, на втором уровне, категориями истины, сознания, смысла, бунта, гуманизма, добра, солидарности, революции, творчества, упорства, настойчивости, воли, свободы, веры, надежды, любви, света, счастья. Поэтому А,Камю в традиционном для него философско-эссеистическом ключе, вывернув «наизнанку» и «просветив» всю экзистенцию, психологию и мораль человека и общества, беспощадно «прошелся» своим творчеством по захолустному «бездорожью» мятущегося индивидуального сознания: от беспринципного – «бога нет», «все позволено или дозволено» до жестко принципиального – «я ненавижу только палачей».

Но, в первую очередь, А.Камю в своей потихоньку выстраивающейся теории исходит из очевидных взаимоисключающих эмпирических фактов индивидуального и социального бытия. А уже, подытожив и обобщив этот эмпирический материал, он пытается дать ответ на главный вопрос своей теории: а почему же люди изначально так пассивно и безропотно «утопают» в этом негативе безрассудства, а потом вдруг, как бы ради всего «светлого и доброго», но с таким «остервенением» и злобой, начинают бунтовать? И Камю отвечает: потому, что этот мир и жизнь человека в нем до такой степени становятся абсурдными, что в какой-то момент времени «критической массе» его терпения приходит «конец», нарушается мера адекватного и неадекватного его присутствия в этом мире, и он выходит на «баррикады». Так А.Камю приходит к заключению о том, что «с точки зрения интеллекта я могу сказать, абсурд не в человеке и не в мире, но в их совместном присутствии» [1, 39]. Поэтому, главная философская проблематика творчества и духовных исканий Камю аккумулируется в системе действия и противодействия двух сил. Первая, связана с положительной энергетикой и «намеченными» целями и идеалами самого человека, а вторая, - с процессом их воплощения, с реализацией его потребностей и интересов в реальную жизнь, результаты которого далеки от идеалов и потому для этого человека отрицательны. Как раз «абсурд рождается в этом столкновении между призванием человека и неразумным молчанием мира» [1, 38], поэтому между «первым» и «вторым» неминуемо будет происходить «раскол». Это и заставит Камю сделать вывод о том, что все абсурдно. «Чувство абсурдности поджидает нас на каждом углу» [1, 28]. Вот именно это состояние абсурдности, по мнению Камю, принуждает человека обратиться к идее о самоубийстве. Но в этой абсурдности Камю видит и положительные элементы для «существующего «я». Они заключаются в том, что человек, в результате жизненного опыта, путем «проб и ошибок», многое претерпевая, приходит к выводу о том, что с таким («так называемым», по Платону) бытием ему совсем не по пути. Индивидуальный жизненный «тупик» заставляет его применить более здоровые методы своего «лечения», нежели смиренно отдавать себя в цепкие «лапы» безумной идеи самоуничтожения. Мятущееся сознание человека постепенно начинает «приходить в себя», он задумывается, перестает бессмысленно «суетиться» в этом безумном и стихийном мире. Человеческая жизнь закономерно трансформируется в логическую форму протеста и последовательно эволюционирует в сторону «подлинного бытия», которое для каждого обывателя пока еще является тайной «за семью печатями». Далее, Камю, идя в русле платоновской теории «пещерного сознания», обозначает его («подлинное бытие) отчужденной для обыкновенного человека реальностью, т.е. «небытием»-

«ничто». Это уже абсурдно и противоречиво. Поэтому, индивид, все еще стихийным образом вырываясь из «объятий» абсурдности так называемого для него материально-«существующего» («неподлинного бытия»-«ничто»), пытается спастись в сфере для него духовно-«несуществующего» («подлинного бытия»-«нечто»). То есть, по платоновской методологии, которой в некоторой степени придерживается Камю, в этом бренном мире и конечной жизни человека всё выходит наоборот, нежели чем было «задумано» Высшим Разумом. И весь этот процесс трансцендентных «перевоплощений» является непривычным для, казалось бы, привычного ко всем жизненным «передрягам» сознания обывателя. Это и порождает в человеке внутреннюю конфликтную психологическую ситуацию, требующую от него морального поступка: «лучше умереть стоя, чем всю жизнь жить на коленях», «лучше ужасный конец (бунт), чем ужас без конца (абсурд)». Но это необходимый выбор и необходимая трансформация человеческого духа, важный переход (скачок, революция) через внутренние, бессознательные «границы» своего «ego». И человек заставляет себя «думать» дальше, развивать свою мысль. Он, сопротивляясь своему невежеству, как бы исподволь, формируется в «самосознающего» субъекта, который уже различает «бытийное» и «небытийное», правдивое и лживое, правильное и неправильное, справедливое и несправедливое, доброе и злое. Его начинающее «мыслящее - я» подвергает все происходящее сомнению. Новая «позиция» мысли отказывает человеку в традиционной рациональности, которая превращается, в связи с этим, в иррациональную силу. Эти по-новому рациональные («я есмь») и по-новому иррациональные («я - все абсурдно») модусы, существуя и действуя в системе сравнения «фактического положения дел с какой-то реальностью, сравнения действия с лежащим за пределами этого действия миром» [1, 39], подталкивают зарождающееся критическое и скептическое мышление человека к самым неожиданным выводам, вплоть до антихристианского: «бога нет».

Сам А.Камю в своем исследовании феномена «метода сравнения» подвергает сомнению, не боится критически подходить и стоически не принимать многое из идей Сократа, Платона, декартовской методологии «cogito ergo sum», гегелевской и марксистской диалектики, кантовской «вещи-в-себе», имморализма и психологизма Ницше и Достоевского, универсального рационально-трансцендентального «феномена» (sich-selbst-durch-sich-selbst-zeigende») Гуссерля, своеобразной онтологии известных всему миру экзистенциалистов (от С.Кьеркегора, Л.Шестова и до Ж.П.Сартра), а также творчески подходить к анализу творчества и искусства многих художников, писателей, драматургов от античных и библейских времен до авангардистов и модернистов XX века. А.Камю не только низвергает все авторитеты, а в чем-то уточняя и дополняя их, логическим и доказательным способом выводит свое авторитетное понятие и определение абсурда. В этом выводе «доказательство от абсурда также осуществляется путем сравнения следствий данного рассуждения с логической реальностью, которую человек стремится установить…абсурдность тем больше, чем сильнее разрыв между терминами сравнения…поэтому есть абсурдные войны и абсурдные перемирия» [1, 39]. В этом определении Камю подразумевается, что «помимо человеческого ума нет абсурда», поэтому помимо человеческого ума и не возникает идеи о самоубийстве, которое в данном контексте Камю определяет как «философское самоубийство» [1, 39]. То есть, в итоге раздумий А.Камю о человеке и собственных раздумий человека о своей судьбе, получается, что самой простой, естественной и логической формой протеста человека «против всех и вся», против самого себя, против тупиковости своих осознанных внутренних размышлений являются самоубийство и философское самоубийство. Хотя в дальнейшем исследовании Камю отказывает этим «категориям» в какой-либо целесообразности, в результативной действенности и необходимости. Камю соглашается с Ницше, который подчеркивал, что (цитата не дословно) «уважения к себе других людей добивается только сильный человек, а слабый вызывает только сострадание и то не всегда». Поэтому Камю запрещает человеку «применение» этого «легкого пути к счастью», этого открытого и позорного бегства от «эмпирии» абсурда, так как, по его мнению, «самоубийство – ошибка» [1,54]. Человеку не следует «убегать» от жизненных ситуаций абсурда, их необходимо разрешать, преодолевать. Абсурдом не стоит заканчивать свою жизнь, наоборот «жить – значит пробуждать к жизни абсурд». С первыми попытками определения его понятийного содержания все только начинается. Поэтому, согласно методологии А.Камю, «абсурд … единственная данность» [1,40]. «Будучи сознанием смерти и отказом от нее, абсурд ускользает от самоубийства» [1,53]. По сути, с абсурдной (т.е. противоречиво ложной и непреодолимой) экзистенциальной ситуации начинается сознательная («подлинно или истинно бытийная») стадия развития жизни человека, т.к. «абсурдный человек знает, что сознание и каждодневный бунт – свидетельства той единственной истины, которой является брошенный им вызов» [1,54].

В абсурде человек одинок, а в бунте он не принимает своего одиночества и, этим осознанным «выбором» находит своих первых единомышленников. В бунте человек поднимается и растет «в собственных глазах». Вместе с другими, солидаризуясь в коллективе, он ведет общую борьбу за свои права. То есть, бунтующий человек, если в него внести организующий элемент (т.к. не будем забывать слова А.С.Пушкина о русском бунте: кровавом, бессмысленном и беспощадном) и добавить солидарное «начало» – это будет быстро формирующийся сознательный социально-политический и социализированный атом-«элемент», который будет принимать активное участие в уничтожении отживших политических «порядков» и режимов. Он будет смело и уверенно «низвергать» традиционный (ставший уже архаичным) уклад жизни. И он, выстраивая прогрессивную и действующую общемировую и общечеловеческую систему ценностей, в которой отсутствуют «доминанты» абсурда, будет самым сознательным образом строить свою «новую жизнь». Когда человек или люди бунтуют, они тем самым, не боясь, демонстрируют и проявляют свою силу, волю и желание жить, а не уходить или позорно «бежать» от своей жизни.

По Камю, бунт следует анализировать в метафизической и исторической плоскостях. Метафизический бунт выступает как «непрерывная конфронтация человека с таящимся в нем мраком», как «постоянная данность человека самому себе, как незаменимый опыт бытия на «границе» существующего и несуществующего, как «уверенность в подавляющей силе судьбы, но без смирения…» [1,53]. Понятие метафизического бунта, с помощью теории Камю, внесло смысловые коррективы в дедуктивную методологию определения исходной субстанции бытия человека по Р.Декарту. Это определение исторически претерпело ряд трансцендентных трансформаций: от метафизического первого: «я мыслю, следовательно, я существую», через переходное метаисторическое второе: «я бунтую, следовательно, мы существуем», к третьему четко историческому «я бунтую, следовательно, мы одиноки» - этим определением мы живем и по сию пору» [1,313]. Метафизический бунт – это бунт «ума», бунт «мыслящего я», это «непрерывная конфронтация человека с таящимся в нем мраком», которая «предоставляет сознанию все поле опыта», в том числе и других «мыслящих «я». В системе бунтарства человек уже не хочет находиться в аскетическом и гордом одиночестве, а хочет в своем протесте быть солидарным со всеми. А это значит, что метафизическое «начало» бунта переходит в историческое. Исторический бунт – это череда исторических примеров свершившихся классовых революций, это непрекращающаяся, перманентная революция. Таким образом, связующим звеном между метафизическим и историческим бунтами является революция. Однако, по сути дела, «революция является только логическим следствием метафизического бунта» [1,199]. Поэтому, революция и бунт в отношениях между собой находятся в более глубоком состоянии диалектического процесса единства и борьбы противоположностей. Диалектика их такова: в переходе метафизического бунта в бунт исторический сознание человека претерпевает несколько трансформаций, начиная от экзистенциального «транса»-абсурда-насилия, связанного с метафизическим распредмечиванием бытийных проблем, до материализации (опредмечивания) его в конкретном историческом «деянии»-бунте-свободе. В этом плане данная методология А.Камю, в которой он демонстрирует свою теорию преодоления человеком отчуждения и реализации своих сущностных сил, напоминает известную классическую триаду: от «царства необходимости» через активный, сознательный труд и борьбу к «царству свободы».

Мы видим, что в интерпретации А.Камю метафизика и история бунта и революции по содержанию и по смыслу периодично то сходятся друг с другом, то расходятся, составляя целостную систему борьбы человека против чужеродных ему систем. «В той чисто исторической вселенной, которую избрали себе бунт и революция, они оказываются перед одинаковой дилеммой: либо полицейский участок, либо сумасшедший дом». Поэтому, «каждый революционер – это в то же время бунтовщик…» [1,312]. В другой период взаимодействия они разнятся своим отношением к человеку: «Абсолютная революция предполагает абсолютную податливость человеческой природы, возможность низведения человека до уровня простой человеческой силы. А бунт – это протест человека против его превращения в вещь, против его низведения в истории. Бунт – это утверждение общей для всех людей природы, неподвластной миру силы» [1,313]. То есть бунт всегда более метафизичен, хотя и содержит в себе историческую «составляющую (он гораздо более индивидуален, разумен, этичен и эстетичен), а революция всегда исторична (она более солидарна, преходяща, груба и беспощадна). Бунт перерастает в революцию лишь только в том случае, когда «человек с ее точки зрения есть сущее ничто…» [1,313]. И последний сравнительный социально-философский «речетатив» А.Камю: «Бунт притязает на единство, историческая революция – на тотальность. Бунт исходит из отрицания…революция из абсолютного отрицания…бунт созидателен, революция

нигилистична…бунт призван созидать ради все большего прироста, революция вынуждена производить ради все большего отрицания» [1,314].

В итоге Камю, подытоживая свою теорию, устанавливает, что человек в своем «капитале» развития имеет внутреннюю борьбу (метафизический индивидуальный бунт) с самим собой, со своим собственным невежеством, с непонятным и абсурдным «я» за свою подлинную экзистенцию. В этом случае весь ход изменений зависит только от человека, от его способности мыслить, творить, бороться за свою честь и достоинство, за свою надежду против «страха смерти» (см. «Страх и трепет» С.Кьеркегора). Бунтарство учит человека бояться не смерти, а жизни. А смерть, как это еще обосновывал Эпикур, для человека самая безобидная штука, ведь, когда «человек живет, он еще не знает, что такое смерть, а когда он умирает, то он уже не знает, что такое смерть». Между тем, течение жизни, необходимость ее поддерживать, бороться за нее налагает на человека суровые требования и колоссальную ответственность перед самим собой. В начале своего пути, пока индивид не устал, пока есть еще энергия, силы, здоровье, пока он еще надеется на будущее и сильна, в связи с этим, «власть» мотивации. Он, как легендарный Сизиф, упорно до «бесконечности» катит «свой камень» наверх к своей идеальной цели, к «своему раю». Но проходит время, «бесконечность» заканчивается и наступает всепоглощающая власть, так называемой, «полосы страха», связанной с осознанием конечности всего «существующего. Каждому человеку все труднее и труднее удерживать в центре бытия смысловой «стержень» своего присутствия в этой жизни. Повседневность, постоянная, до «отупления», повторяемость «всего и вся» изнутри и снаружи, машинальность действий, поступков, предопределенность и предсказуемость «завтрашнего дня», по аналогии со все более и более серым «днем вчерашним», навевает скуку, тоску, упадническое настроение и «дух», депрессию. Для него всего «существующее» становится бессмысленным и абсурдным, у него «опускаются руки», и он ничего не может с этим поделать. «Но если вселенная внезапно лишается как иллюзий, так и познаний, человек становится в ней посторонним (подобно герою романа «Посторонний» Мерсо – авт.). Человек изгнан навек, ибо лишен и памяти об утраченном отечестве, и надежды на землю обетованную» [1,26]. Он устал до тошноты (см. Ж.П.Сартр «Тошнота») от рутины, в которую «с головой» затягивается вся его здоровая часть экзистенции. И в конце концов, по мнению Камю, перед каждым из нас «Великой китайской «стеной» встает ряд вопросов: а зачем все это? для чего я живу? какова конечная цель моего присутствия в этом мире? что такое моя жизнь? И необходимо на эти вопросы каким-то образом отвечать, необходимо двигаться, «работая локтями» и «шевеля» мозгами. В противное случае, произойдет непоправимое для человека, а именно: его пассивное, медленное и мучительное умирание, когда он перестает биться за самого себя, когда он становится безразличным к себе, к своей судьбе и ко всему происходящему. Такое ожидание смерти равносильно сознательному акту самоубийства. А «самоубийство есть полная противоположность бунта…это согласие с собственными пределами. Все закончено, человек отдается предписанной ему истории, видя впереди ужасное будущее, он низвергается в него» [1,53], т.е. в темную бездну небытия, в сферу «ничто». Но самое страшное для человека в этом конечном для него течении жизни утомительное и пустое течение времени (в нем человек «с ужасом осознает, что время – его злейший враг» [1,30], что зачастую определяет бесконечную отупляющую повторяемость событий. «Подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница суббота, все в том же ритме – вот путь, по которому легко идти день за днем. Но однажды встает вопрос: «зачем?» Все начинается с этой окрашенной недоумением скуки» [1,29-30]. Но стоит тогда задаться вопросом: если таким образом человека начинает «напрягать» машинальный ритм работы, то, что тогда происходит с психикой безработного человека, ведь у него масса «пустого повторяющегося времени», а незанятость сразу же порождает полнейшую скуку, тоску, вызывает стресс, депрессию, приводит к абсурду и бессмысленности жизни? Однако все эти философские вопросы пока остаются недостаточно подкрепленными философскими ответами.

С другой стороны, скуки и абсурда не надо бояться. От абсурда не нужно убегать и избавляться, «лишать его жизни», «расстреливать», спасаться от него самоубийством. Абсурд необходимо просто пережить, бороться с ним, максимально полно его «изживая» и «выкорчевывая» его корни из своего сознания. Также необходимо бороться со скукой. Ведь наступление скуки – это «сигнал» о пределе, «перескочив» который человек начинает в жизни что-то понимать, приобретать знание (данное Прометеем и которое – «сила») о «сравнении», «заботе», «равновесии». Он уже способен определить меру соотношений между абсурдом и бунтом, между метафизическим и историческим, между бунтом и революцией, между истиной и ложью. Человек осознает, что эти судьбоносные проблемы и ответы на них идут к нам из «глубины веков» до настоящих вершин. Это

связь идей начинается от завещанных семью древнегреческими мудрецами «заветами» здравого смысла, в том числе о том, что «мера наилучшее», «мера превыше всего», протагоровского «мера всех вещей – человек» до шокирующих античеловечных или сверхчеловечных идей М.Борреса или Ф.Ницше. Поэтому, «источник форм, кладезь истинной жизни, бунт позволяет нам держаться на ногах в бесформенном и яростном потоке истории» [1,353]. Это говорит о том, что современный бунт по форме может изменяться, а по смыслу он такой же направленности, как и тысячелетия назад. Прежде всего, это борьба за или против каждого человека, за его свободу или несвободу и за или против многое другое. Если все это есть, то скуки нет и в помине, а есть простое (но «вымученное» такими страданиями) человеческое будничное счастье. Поэтому, с одной стороны, скука, являясь «результатом» машинальной жизни», «сама по себе омерзительна», а с другой стороны, скука, как мы уже не один раз подчеркивали, «приводит в движение сознание», она пробуждает человека, провоцирует и подталкивает его на осознанную реализацию права самостоятельного выбора: «либо бессознательное возвращение в привычную колею, либо окончательное пробуждение» [1,30].

Пытаясь определить философский смысл высказывания У.Шекспира (которое он «подсмотрел» у римского историка П.Тацита) о том, что «жизнь – это театр, а люди в нем актеры», А.Камю (как и многие другие мыслители) подчеркивает, что человек, находясь в бесчеловечных условиях индустриального века, века бездумной машинизации, автоматизации, беспорядочно вращаясь в вечном водовороте «карнавальной» культуры, в конце концов запутывается. Он запутывается во всех ее (жизни) атрибутах, костюмах, сцене, в декорациях. И поэтому «привычные декорации» бытия человек подвергает сомнению, и они рушатся…

Но так, где же все-таки настоящая жизнь, где же театр, где же настоящие люди, где же актеры? Как все это различать? Человек пока не может в этом разобраться. Камю, понимая всю сложность этих вопросов, обращается за помощью к одному из философских выводов Достоевского, а именно: «жизнь есть ложь, и она является вечной» [1,86]. По крайней мере, теперь мы можем осознать, что абсурдное присутствие человека в этом мире определяется всеисторической ложью. Но тогда происходит диалектическое «снятие» исторического противоречия так называемых «декораций»-категорий «театра» и «жизни». Человек начинает «играть» по-другому. И он, «озаряясь» надеждой, начинает «творить себя», преодолевая в своем индивидуальном творчестве собственную ложь. И однажды человек-художник, проживая, переживая и изживая абсурдность в себе и через самого себя, «фиксирует» в своих произведениях философскую «изнанку» этой «вечной лжи» и смиренно ее принимает. Но как раз в этом его спасение. «Работать и творить «ни для чего», лепить из глины, знать, что у творчества нет будущего, что твое произведение рано или поздно будет разрушено, и считать в глубине души, что все это не менее важно, чем строительство на века, – такова нелегкая мудрость абсурдного мышления» [1,86]. Человек, взбунтовавшись, осознал, что он «не тварь дрожащая, а право имеет», что «жестоким своенравным божеством» [1,143], религиозной верой он был «обязан», зачастую мучаясь, строго соблюдать библейские заповеди и законы, живя только надеждой на обретение вечной и счастливой жизни в дне завтрашнем. Это, пусть где-то горький, но самый верный вывод его длительных «мытарств» по абсурдным «лабиринтам» абсурдного мира и исканий своей судьбы, своей свободы, которая где-то там, впереди, но далеко на историческом горизонте.

Но и здесь «абсурд развеял мои иллюзии: завтрашнего дня нет. И отныне это стало основанием моей свободы» [1,86], т.е. идеей абсолюта дня сегодняшнего. Абсурд становится для человека «руководством к действию». При этом, человек изо дня в день, бунтуя, обязан демонстрировать всему «существующему» свою удивительную индивидуальную и солидарную созидательную силу, не останавливаясь на достигнутом, целенаправленно продвигаться к абсолютным общечеловеческим ценностям, к вере, надежде и любви.

В конечном счете, внутренний фактор развития человека зависит от внешнего: от социальных условий, социальной среды, от отношений с людьми, от работы, от темпа жизни, от до бесконечности растущей урбанизации, от воспитания, образования и в целом от культуры. Весь этот комплекс жизненных детерминант бытия «сизифовым камнем» изо дня в день давит на психику человека, но также формирует его идеалы, принципы, ценности, влияя на направленность настроения и задавая соответствующий тонус его действиям и деятельности.

Внешняя борьба, связанная с историческим, солидарным бунтом, умножает сопротивление и бунт отдельного человека-атома в десятки раз. Положительная энергия «легионов справедливости», направленная на преодоление социально-политических сил зла (абстрактное «оно»), «удесятеряет страстное желание жить». Этим «легионам» в социально-правовой сфере дано название «гражданское общество», функциональная «жизнь» которого находится в системе демократического и народного

самоуправления. Именно эти социально-государственные институты должны помогать каждому человеку отстаивать идеалы добра, идеи реальной и понятной чистоты и гармонии человеческих отношений, абсолюта коллективных ценностей, которые осмыслены и утверждены всеми («мы») участниками народного «солидаритета».

Список ссылок

1. Камю А. Бунтующий человек / Философия. Политика. Искусство. Пер.с фр. – (Мыслители XX века). – М.: Политиздат. – 415 с.

ПОВЗЛО О.М.
кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії
Запорізького національного технічного університета (м. Запоріжжя, Україна)
e-mail: shura.povzlo@mail.ru

ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОСТІ ЧЕРЕЗ ФІЛОСОФСЬКУ «ПРИЗМУ» ТЕОРІЇ АБСУРДУ І БУНТУ А. КАМЮ

Анотація

Головна філософська проблематика творчості і духовних шукань Камю акумулюється в системі дії та протидії двох сил.

Перша, пов'язана з позитивною енергетикою і «наміченими» цілями та ідеалами самої людини, а друга – з процесом їх втілення, з реалізацією його потреб та інтересів у реальне життя, результати якого далекі від ідеалів і тому для цієї людини негативні. Як раз «абсурд народжується в цьому зіткненні між покликанням людини і нерозумним мовчанням світу», тому між «першим» і «другим» неминуче буде відбуватися «розкол». Це і змусить Камю зробити висновок про те, що все абсурдно. «Почуття абсурдності чекає нас на кожному куті». Ось саме цей стан абсурдності, на думку Камю, змушує людину звернутися до ідеї про самогубство.

У висновку Камю, підсумовуючи свою теорію, встановлює, що людина у своєму «капіталі» розвитку має внутрішню боротьбу (метафізичний індивідуальний бунт) з самим собою, зі своїм власним невіглаством, з «незрозумілим» і абсурдним «я», за свою справжню екзистенцію. А також людина має зовнішню боротьбу, яка пов'язана з історичним, солідарним бунтом і яка примножує опір і бунт окремої людини-атома в десятки разів.

Ключові слова: людина, екзистенція. повсякденність, нудьга, абсурдність, метафізичний, індивідуальний бунт, самогубство, творчість, духовність

POVZLO A.
Doctor of Philosophy, Associate Professor of Philosophy Department
at Zaporizhzhya National Technical University (Zaporizhzhya, Ukraine)
e-mail: shura.povzlo@mail.ru

CONTEMPORARY PROBLEMS THROUGH THE PHILOSOPHICAL “PRISM” OF THE ABSURD AND REBELLION THEORY OF ALBERT CAMUS

Summary

The article deals with the nature of modern socio-political problems, nature of the psychosocial crisis of the world community; with what every person has to do in the contradictory conditions of global world commotions. As far back as the middle of the XX century the famous French philosopher-moralist A. Camus had been sharing his thoughts and philosophically and esthetically very peculiarly, interestingly and strikingly writing about individual and social peculiarities of the crisis of European culture, about the European crisis determinant on the person's consciousness, his behavior, emotional and mental reaction. For Camus the crisis of culture – is the crisis of personality, person's spiritual foundations, evidence of tiredness of the historical spirit of the "Faustian man". And this crisis is expressed first of all in the fact that the western man has really exhausted himself and doesn't know what he should do in this insane and absurd world. He doesn't have strength anymore to keep pace with flash-like changes of his requirements; he doesn't understand "logos" and "algorithms" of this world. Exactly at such historical moments the sense of existence's fragility and "disintegrated connection of times" escalates; the distrust to the reason and logic of

culture deepens. And such "half-destroyed" individual is unable to actively participate in the creation of material and spiritual values of culture; his virtues are paralyzed and therefore the virtues of the whole society are paralyzed. This alienated, lost in the civilized world man-individual-atom, "man-multitude" tries to find a way out, save himself, and by his "conveyor" psychology, robotic consciousness and aggressive actions destroys the classical ("Faustian") world of culture; herewith demonstrating his astonishing individual and unite rebellious force to everything existent.

A. Camus himself in his theory of absurd and rebellion critically takes into consideration the ideas of Socrates and Plato, Descartes's methodology "cogito ergo sum", Hegel's and Marx's dialectics, Nietzsche's and Dostoyevsky's immoralism and psychologism, peculiar ontology of world-famous existentialists (from S. Kierkegaard, L. Shestov and to J.-P. Sartre). A. Camus arrives at a conclusion that "with respect to intelligence, I can say that the absurd in not in man nor in the world, but in their common presence" [1, 39]. Therefore the main philosophical problems of Camus's creation and spiritual seeking accumulate in the system of action and reaction between two forces.

The first one is connected with the positive energy and the "intended" purposes and ideals of the human himself, and the second one – with the process of their realization, realization of his needs and concerns into the real life, the results of which are far from the ideals and consequently are unfavourable for this human. Exactly "absurd is a product of a collision between human desire and the indifferent silence of the universe" [1, 38], that is why the "dissent" between "the first" and "the second" will inevitably take place. This is what will make Camus draw a conclusion that everything is absurd. "At any street corner the feeling of absurdity can strike any man in the face" [1, 28]. Exactly this state of absurdity, according to Camus, forces a man to refer to the idea of the suicide. Eventually Camus, summing up his own theory, establishes that the human in his "capital" of development has an internal struggle (metaphysical individual rebellion) with his own self, his own ignorance, with incomprehensible and absurd "I" for his own authentic existence. And also the man has an external struggle which is connected with the historic solidarity revolt, multiplies the resistance and rebellion of the single man-atom by dozens of times.

Keywords: man, existenz, ordinariness, melancholy, absurdity, metaphysical, personal rebellion, suicide, creativity, spirituality.

УДК : 141.112 : 165.242.1 : 159.923.2

СЕПЕТИЙ Д.П.
кандидат філософських наук, доцент кафедри суспільних дисциплін
Запорізького державного медичного університету (м. Запоріжжя, Україна)
e-mail: sepety@yahoo.com

ПРОБЛЕМА НЕРЕДУКОВНОСТІ В МЕЖАХ І (МОЖЛИВО) ЗА МЕЖАМИ ФІЗИЧНОЇ РЕАЛЬНОСТІ

Анотація

У статті обговорюється проблема (не)редуковності високорівневих властивостей до низькорівневих і роз'яснюється позиція психофізичного дуалізму як твердження про те, що свідомість (психіка) є нередуковною до нементального (фізичного) в унікально сильному смислі. Проводиться розрізнення між (1) епістемічною (псевдо)нередуковністю, що зумовлюється надмірним рівнем складності системи, (2) кількісною або номічною нередуковністю, яка можлива, якщо існують особливі нередуковні закони природи, що вступають в дію за наявності специфічних складних матеріальних структур, та (3) радикальна якісна нередуковність. Психофізичний дуалізм допускає, що високорівневі властивості матеріальних систем можуть бути нередуковними у смислі (1) або (2), але доводить, що лише свідомість та залежні від неї явища є нередуковними до фізичної основи у смислі (3).

Ключові слова: свідомість, психіка, ментальне, фізичне, редуковність, матеріалізм, дуалізм, емерджентний.

Онтологічна проблема відношення свідомості до фізичної реальності (матерії) є однією з найбільш дискусійних у сучасній академічній філософії англомовних країн (переважно, в руслі аналітичної традиції). Проблема може бути виражена питанням: чи свідомість утворюється деякими